

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'27
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27; 16.41.53

Код ВАК 10.02.20; 10.02.22

Н. Б. Руженцева, Ю. А. Антонова
Екатеринбург, Россия

N. B. Ruzhentseva, Yu. A. Antonova
Ekaterinburg, Russia

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС: К ПРОБЛЕМЕ ОПИСАНИЯ

(российско-китайские дискурсивные практики)

Аннотация. Предпринимается попытка описания сложного феномена межнационального дискурса как системы общедискурсивных характеристик и частных дискурсивных практик, обозначены проблемы, связанные с его изучением, намечены некоторые пути решения этих проблем.

Ключевые слова: дискурс; межнациональный дискурс; Россия; Китай; характеристики дискурса; дискурсивные практики; участники дискурса; национально-ментальные особенности; базовые ценности дискурса.

Сведения об авторе: Руженцева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, п-т Космонавтов, 26, к. 285.
e-mail: verbalis@mail.ru.

Сведения об авторе: Антонова Юлия Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, п-т Космонавтов, 26, к. 285.
e-mail: jonktau@gmail.com.

CROSS-NATIONAL DISCOURSE: TO THE PROBLEM OF DESCRIPTION

(Russian-Chinese discursive practices)

Abstract. An attempt is undertaken to describe a complex phenomenon of cross-national discourse as a system of general and special discursive practices. Problems connected with this study are singled out, ways to solve them are outlined.

Key words: discourse; cross-national discourse; Russia; China; characteristics of discourse; discursive practices; participants of discourse; national mental peculiarities; basic values of discourse.

About the author: Ruzhentseva Natalia Borisovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.

620017, Ekaterinburg, p-t Kosmonavtov, 26, k. 285.

About the author: Antonova Yuliya Anatolievna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.

620017, Ekaterinburg, p-t Kosmonavtov, 26, k. 285.

С конца 1990-х — начала 2000-х гг. дискурсивные исследования являются одним из самых приоритетных направлений лингвистики. Существуют разные подходы к описанию феномена дискурса, например исторический, однако на первый план выходят подходы типологический и собственно описательный, предполагающие детальное рассмотрение видов дискурса и основных характеристик каждого из них. Так, В. И. Карасик, положив в основу классификации такой дискурсивный признак, как участники общения, выделяет два основных вида дискурса: персональный и институциональный — и их основные разновидности (художественный, научный, философский диалоги, научный, политический, религиозный, педагогический, медицинский, военный, юридический, дипломатический, деловой, рекламный, спортивный и др.) [Карасик 2000: 5—20].

Однако общая характеристика дискурсивных разновидностей еще только разра-

батывается, в связи с чем распространено узкое понимание дискурса. Например, методический дискурс определяется как «совокупность текстов, в которых репрезентировано специальное знание о методике преподавания иностранных языков» [Ивинских 2012: 8]. Такая трактовка дискурса совершенно не отражает сущность этого феномена — «связного текста в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текста, взятого в событийном аспекте; речи, рассматриваемой как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмов их сознания (когнитивных процессах). Дискурс — это речь, „погруженная в жизнь“» [Артюнова 1990]. В свете этого текст в дискурсивных исследованиях рассматривается не как хранилище информации, способ «репрезентации специального знания», но как многофункциональ-

Работа выполнена при поддержке РФНФ: проект 12-04-00175а «Лингвистика и психология: экстремистский текст и деструктивная личность»

© Руженцева Н. Б., Антонова Ю. А., 2012

ный элемент дискурса: «...это и средство коммуникации, и способ хранения и передачи информации, и отражение психической жизни индивида, и продукт определенной исторической эпохи, и форма существования культуры, и отражение определенных социокультурных традиций» [Прохоров 2006: 12]. Вышеприведенное определение, данное Н. П. Ивинских, применимо не к термину «дискурс», а скорее к понятию «сверхтекст», получившему известное распространение в начале 1990-х гг., а затем полностью вытесненному словом «дискурс». Непонимание сущности дискурса, незнание признаков и характеристик того или иного дискурса ведет, на наш взгляд, к множественным исследовательским недочетам, так как именно дискурсивные характеристики часто являются отправной точкой при изучении языкового, речевого и текстового материала.

Всё сказанное обусловило наше обращение к понятию «межнациональный дискурс», которое требует раскрытия и обоснования в связи с увеличением количества исследований в областях межкультурной коммуникации, контрастивной лингвистики, методики преподавания русского языка как иностранного, а также исследований коммуникативного поведения людей разных национальностей. На российско-китайском материале мы попытаемся обозначить те проблемы, которые, на наш взгляд, необходимо решать при описании любого межнационального дискурса.

Межнациональный дискурс синкретичен и охватывает широкую сферу коммуникативного взаимодействия людей двух разных национальностей. К конкретному межнациональному дискурсу приложимы лишь наименования типа «российско-китайский», «российско-немецкий», «российско-американский» и т. д. Двойная представленность участников такого дискурса отличает его от интернационального дискурса (коммуникативного взаимодействия людей, принадлежащих к множеству национальностей). Понятие «межнациональный дискурс» объединяет частные дискурсивные практики, например: межнациональный педагогический дискурс, межнациональный политический дискурс, межнациональный рекламный дискурс, межнациональный научно-методический дискурс и др. С опорой на дискурсивные исследования В. И. Карасика [Карасик 2000, 2003, 2004] попытаемся представить наше понимание межнационального дискурса, его характеристики и проблемы, связанные с его изучением.

Под межнациональным дискурсом прежде всего мы понимаем речь и ее порождение — текст, взятые в контексте

межнационального взаимодействия. В то же время межнациональный дискурс можно рассматривать как совокупность самых разных дискурсивных практик (частных разновидностей дискурса), включающих развернутые во времени прямые и опосредованные контексты взаимодействия людей, принадлежащих к разным культурам, а часто и к языковым семьям. Взаимодействие понимается нами и как совместное действие людей двух разных национальностей (например, совместная работа по созданию учебника по русскому языку как иностранному или совместная работа иностранного аспиранта и его научного руководителя, направленная на поиск научной истины), и как речевое взаимодействие в рамках двух языков, двух языковых сознаний, двух лингвокультур, двух менталитетов, взятое в ракурсе четырех основных видов речевой деятельности — говорения, слушания, письма и чтения, — в совокупности с экстралингвистическими факторами и ситуативным контекстом. Примером реализации последнего понимания дискурса может служить деятельность китайско-российского телеканала (ССТV), который предлагает российским телезрителям передачи о Китае на русском языке, уроки китайского языка, проводимые российскими преподавателями, и т. д.

Хотелось бы подчеркнуть следующее: не надо смешивать межнациональный дискурс с параллельными дискурсами (российский политический дискурс — китайский политический дискурс; российский педагогический дискурс — китайский педагогический дискурс и др.). Эти дискурсы могут быть описаны **в параллельно-сопоставительном ключе**, например при раскрытии темы «Метафорическое моделирование в российском и китайском политическом дискурсе». Исследование данного вопроса предполагает: 1) выявление закономерностей метафорического моделирования а) в российском политическом дискурсе и б) в китайском политическом дискурсе; 2) сопоставление репертуара и иерархии метафорических моделей в двух видах дискурса. В данном случае речь идет о двух дискурсах, объединенных общей сферой общения — политической. В свою очередь, описание частной разновидности межнационального дискурса проводится **в едином ключе**; формулировка темы может быть такой: «Специфика жанра объявления в российско-китайском рекламном дискурсе». Раскрытие такой темы, на наш взгляд, предполагает, что при текстопорождении рекламного сообщения взаимодействовали две национальные стороны:

китайский автор — российский адресат (или: *китайский автор — российский редактор — российский адресат*). Здесь речь идет об одной разновидности дискурса — межнациональном российско-китайском рекламном дискурсе.

Мы считаем, что основных проблем описания межнационального дискурса две: во-первых, неоднородность межнационального дискурса, который, как, впрочем, и любой мононациональный дискурс, является совокупностью частных дискурсивных практик, соотнесенных с той или иной сферой деятельности, во-вторых, высокая сложность требуемого осмысления характеристик межнационального дискурса с точки зрения его конкретной разновидности и корректного приложения этих характеристик к различным дискурсивным практикам.

Приведем наиболее общие характеристики межнационального дискурса (попутно заметим, что учет последних необходим и при исследовании параллельных дискурсов).

1. Национальная специфика дискурса. Чтобы корректно описать национальную специфику любой разновидности межнационального дискурса (российско-китайского экономического дискурса, российско-китайского художественного дискурса и др.), необходимо учесть если не все, то хотя бы некоторые факторы, наиболее часто актуализируемые в дискурсивной практике, к которым относятся:

- **широко трактуемая национальная форма выражения мысли на уровне устного/письменного текста или отдельного высказывания.** Так, при описании межнационального взаимодействия в рамках художественного дискурса, где автор — китаец, а читатель — россиянин, обязательно должны быть учтены различия в формах оценки героев. «Оценка героев может быть дана при помощи терминов родства, которые обычно употребляются в обращениях: „старший брат“, „младший брат“, „дядюшка“, „дедушка“, „кума“. Самые частотные — это слова „гагэ“ (*старший брат*) и „диди“ (*младший брат*), которые употребляются обычно в паре и характеризуют подчиненное положение одного из персонажей», — пишет Н. Н. Репнякова, исследуя картину мира в китайских сказках о животных [Репнякова 2009: 348—349]. При описании межнационального взаимодействия в рамках рекламного китайско-российского дискурса необходимо иметь в виду, что для речи китайца, пишущего на русском языке, характерны следующие особенности: излишняя для рекламного текста длина предложений, избыточная относительно темы и общего объема

текста информация, неточное словоупотребление, стилистически некорректные конструкции, неверное представление числительных и некоторые другие, связанные с различием двух неродственных языков на всех уровнях языковой системы. Проиллюстрируем это отрывком из рекламного путеводителя по Шанхаю: *В период исторического развития Шанхая, полного превращений судьбы, от вынужденного открытия его внешнему миру до учреждения в 30-ых гг. 20 в. иностранных концессий, вплоть до формирования международного мегаполиса, ул. Донолулу и прилегающая к ней территория наиболее полно отражают этот исторический отпечаток и культурный ракурс;*

- **национальная концептосфера и система концептуальных представлений.** Полученные в ходе ассоциативного эксперимента данные о различиях представлений, связанных с концептом «счастье», свидетельствуют о следующем (слова-реакции представлены в цитируемом фрагменте по степени убывания частотности): «Доминирующими признаками при поиске синонимов русской лексики „счастье“ выявились „любовь“, „радость“, „удача“, „успех“; в ассоциативном синонимическом ряду китайской лексики — „веселье“, „радость“, „здоровье“, „любовь“. Получается, что в основе понимания категории „счастье“ в китайском сознании лежит не чувство (ср. рус. „любовь“), а состояние — кит. „веселье“. Стоит отметить, что веселье, радость воспринимается китайцами как проявление счастья» [Глотова, Клапотовская 2009: 238];

- **национальные нормы, символы и традиции.** Например, розовый цвет в российской культурной традиции ассоциируется с розой (светло-алый), а в китайской это светло-красный цвет, не вызывающий ассоциативных представлений о розе; желтый ассоциируется в российской культурной традиции с цветом яичного желтка, спелых злаков, золота, а в китайской — с золотом, подсолнухом, цветками китайской тыквы и т. д. [Гуз 2009: 1999]. Различия наблюдаются и в символике чисел. Так, число «4» в российской культурной традиции указывает на любовь, а в китайской — на смерть; «666» в России считается «числом дьявола», а в Китае это символ богатства;

- **национальные (вербальные и невербальные) особенности коммуникативного поведения** (принимать их во внимание важно при описании обиходного и делового дискурсов). Так, «специфической особенностью русского языка является обилие и разнообразие суффик-

сальных форм имени... Наиболее употребительны обращения-имена со следующими суффиксами: *-очк-* (*Лена-Леночка*), *-еньк-* (*Катя — Катенька*), *-ушк-* (*Егор — Егорушка*, *Люба — Любушка*)... Что касается китайского языка, то суффиксальные формы обращения по имени в нем не употребительны, так как чинопочитание остается в настоящее время, как и прежде, одной из наиболее прочных норм поведения народа» [Елфимова, Тан Сюецзин 2009: 204—205]. Различий в коммуникативном поведении россиян и китайцев множество. Например, в России документы (паспорт, деньги), как правило, подают одной рукой, а в Китае — двумя (в знак уважения). В Китае на улице практически невозможно встретить целующуюся пару, в России это — частое явление. В русских ресторанах благодарят словесно («*Спасибо за прекрасный ужин!*»), а в китайских гость иногда может вместо слов стучать пальцами по столу, и т. д.;

• **национально-ментальные и собственно культурологические особенности**, находящие отражение как в содержании, так и в форме высказывания. Так, безличные конструкции, очень характерные для русской речи, абсолютно не характерны для китайской речи, и это имеет глубинные национально-ментальные корни. Для россиян «стремление не называть себя в качестве деятеля восходит к языческому периоду. Среди основных причин, вызвавших исчезновение в предложении субъекта/деятеля, исследователи отмечают умалчивание имени тотема и незнание законов природы, вызвавших то или иное явление или состояние. С этой точки зрения бессубъектная (неагентивная) форма предложения может быть отнесена к „конспирированной ранее сакральности“... Но в китайском языковом сознании человек всегда выступает носителем активного начала, что сделало невозможным возникновение аналогичных конструкций в языке» [Владимирова 2009: 23—24].

В качестве примера отсутствия в китайском языке бессубъектных конструкций приведем не совсем корректные, требующие правки переводы с китайского языка на русский:

Китайский вариант	Правильный русский перевод	Неправильный русский перевод
<i>Та хэнь шу фу ди цзо цзай ша фа шан.</i>	<i>Ей было уютно в мягком кресле.</i>	<i>Она сидит в мягком кресле очень уютно.</i>
<i>Та мэнь цзай мэю шао нуань ци дэ фан цзянь ли хэнь лэн.</i>	<i>Им было холодно в нетопленной комнате.</i>	<i>Они сидят в нетопленной комнате холодно.</i>
<i>Шан юань дэ бин цин и цзин мин сянь хао чжуань.</i>	<i>Раненому уже было значительно лучше.</i>	<i>Раненый уже значительно восстановил.</i>

2. Широкий дискурсивный контекст, под которым мы понимаем взаимоотношения двух государств в тот или иной исторический период. Например, во время культурной революции, продолжавшейся с мая 1966 г. по октябрь 1976 г., были ограничены межгосударственные контакты России и Китая и межличностные отношения их граждан, что не могло не повлиять на наполняемость межнационального дискурса, репертуар, форму, содержание и тональность текстов, входящих в его состав, и т. д.

3. Пространственно-временная организация дискурса. Хронотоп межнационального общения целесообразно рассматривать с учетом вида дискурса. В обиходно-бытовом дискурсе встречаются диалоги, слабо развернутые во времени (дружеские беседы, диалоги-просьбы, диалоги — выяснения положения вещей и др.). Отражение межнационального взаимодействия в газетно-журнальном дискурсе достаточно развернуто во времени. Примером развернутости газетно-журнального дискурса во времени может служить интервью знаменитого китайского актера Мэй Лань-фана в советских газетах 1935 г. и текст выступления Д. Медведева в центре русского языка Даляньского института иностранных языков в сентябре 2010 г.

4. Участники межнационального дискурса характеризуются в зависимости от вида дискурса: российский преподаватель — китайский студент и наоборот (в педагогическом дискурсе); китайский автор рекламного текста — российский адресат рекламы, например туристической; друзья (россиянин и китаец) в обиходно-бытовом дискурсе; руководители совместных фирм с российской и китайской стороны, а также их подчиненные, поставщики, клиенты, конкуренты — в управленческом дискурсе; научный руководитель с российской стороны и его аспирант, авторы совместного учебника или монографии, участники межнационального форума из России и Китая — в научно-методическом дискурсе; китайские и российские юристы, участвующие в составлении международного договора, — в юридическом дискурсе и т. д.

5. Базовые ценности межнационального дискурса — это терпимость, толерантность, отсутствие проявлений ксенофобии, этнофобии, речевой агрессии, стремление к межнациональному диалогу, взаимопониманию, равенству. Частной формой репрезентации базовых ценностей являются субъектно-адресатные взаимоотношения, которые характеризуются в зависимости от вида дискурса, например отношения равенства/нера-

венства в педагогическом, обиходно-бытовом, газетно-журнальном и управленческом дискурсах. При описании базовых ценностей межнационального дискурса мы считаем абсолютно необходимым обращение к этическим (религиозным) ценностям двух культур, отраженным в христианской и конфуцианской философии и морали, например к понятиям *жэнь* (человеколюбие, человечность, гуманность) и *ли* (принцип, призванный устанавливать гармоничные отношения между людьми). В обиходно-бытовой, педагогической и некоторых других разновидностях межнационального дискурса отражены и более частные этические нормы (правила речевого и неречевого поведения), которые исследователь не может не учитывать, ср.: «Китайцы без стеснения сообщают преподавателю о желании посетить туалет и не видят ничего предосудительного в том, чтобы объяснить свое опоздание на занятие необходимостью отправления естественных потребностей... А вот разговор о человеческих чувствах вызывает смущение: студенты-китайцы избегают публичных проявлений собственных эмоций, разговоров о чужих переживаниях, понять чужое внутреннее состояние тем более не берутся» [Стародубцева 2009: 269].

6. Основная цель межнационального дискурса — продуктивный диалог между представителями различных национальностей и культур. Эту цель надо иметь в виду при описании любого вида межнационального дискурса. Ведущая интенция межнационального дискурса реализуется в такой основной стратегической разновидности, как кооперативная стратегия, которая направлена на организацию успешного общения в соответствии с принципами взаимодействия, взаимопонимания и сотрудничества. При описании основной и частных стратегий межнационального дискурса, например стратегии перехода от этноцентризма к этнорелятивизму, надо обращать особое внимание на негативные факторы, ведущие к реализации оппозитивной (некооперативной) стратегии. Среди них выделяется нарушение правила доброжелательного сотрудничества, которое ведет к разного рода проявлениям агрессии, конфликтам, «ингрупповому фаворитизму», т. е. формированию позитивного образа лишь своей культуры, утверждению ее превосходства над другими.

7. Жанровый корпус межнационального дискурса определяется его видом (рекламный дискурс включает корпус рекламных жанров: слоган, рекламное объявление, рекламную статью и др., а научно-методический — статьи, монографии и т. д.). описа-

ние жанрового корпуса необходимо, на наш взгляд, для любой частной разновидности межнационального дискурса; проблемы для описания представляют различия между жанровым наполнением корпусов, жанрообразующими признаками. Кроме того, сложность представляет выделение специфических признаков тех жанров, которые создаются совместно. Так, учебник, содержащий сведения о Китае, для китайцев, изучающих русский язык, может иметь параллельную структуру: авторский теоретический материал и система вопросов даются на одной странице (параллельно на китайском и русском языках). Так сделано, например, в учебнике по страноведению профессора Сунь Вэньфана (переводчики — Н. Э. Гурбанова, С. В. Цыретарова). Во же время учебник «Интенсивный курс русского языка как второго иностранного. Научный стиль речи», опубликованный в издательстве «Цзянсу» в 1986 г., как показал анализ Т. В. Васильевой, сделан преимущественно по принципу хрестоматии: «Учебник составлен из фрагментов учебных пособий, изданных в 70-е годы в СССР и написанных такими известными авторами, как Г. И. Володина, С. П. Курганова и др. (1977); А. Р. Арутюнов, Н. С. Ожегова, Ю. Е. Прохоров (1979); Л. А. Клокова (1974); В. И. Максимов (1977); В. И. Митрохина, О. Г. Мотовилова (1977) и другими... Пожалуй, единственное, чем данный учебник отличается от подобных советских изданий: в нем много комментариев на китайском языке, подробно объясняющих каждое лексико-грамматическое явление, а также задания на переводы с русского на китайский и с китайского на русский языки» [Васильева 2003: 116]. Приведенные примеры демонстрируют по крайней мере два типа межнационального взаимодействия при создании текста в жанре учебника: «авторский учебник — российские переводчики» и «хрестоматия из произведений русских авторов — комментарии и задания китайских русистов».

8. Прецедентные феномены, которые иногда рассматриваются как дискурсивный признак, должны, на наш взгляд, считаться таковым не во всех видах межнационального дискурса. Они важны для описания межнационального художественного дискурса, газетно-журнального дискурса, туристического дискурса, учебно-методического дискурса и некоторых иных разновидностей, текстовая составляющая которых свидетельствует о том, что прецедентные феномены можно считать дискурсивнообразующим признаком. Так, для китайского художественного дискурса очень важен прецедент-

ный феномен «врата Истины», восходящий к классическому роману «Путешествие на Запад» и означающий *'порог, отделяющий земной мир от небесного'*. Прецедентные феномены-китаизмы обыгрываются и в российском художественном дискурсе, ср. выражение «благородный муж», восходящее к конфуцианскому учению о цзюньци («благородном муже»). Прецедентные феномены-китаизмы могут сочетаться с русскими прецедентными феноменами, готовыми и трансформированными выражениями: *Буддистом можешь ты не быть, но благородным мужем быть обязан* (О. Трофимова). Однако прецедентные феномены играют гораздо менее значительную роль в таких дискурсах, как экономический, инженерный, управленческий, юридический, поэтому при изучении данных разновидностей исследователям не обязательно уделять пристальное внимание прецедентным феноменам.

Таким образом, при описании любой разновидности межнационального дискурса исследователь предварительно должен ответить по крайней мере на следующие вопросы:

1. Что именно исследуется: параллельные дискурсы или частная разновидность межнационального дискурса?

2. Что представляют собой взаимодействующие участники общения с той и с другой стороны? Как происходит их взаимодействие? Является ли оно совместной деятельностью или участники взаимодействуют опосредованно: через книги, СМИ, Интернет и т. д.? Например, при описании китайско-российского кино- или теледискурса возможна такая схема: китайский автор источника материала для сериала (например, Ло Гуаньчжун, автор классического китайского романа «Троецарствие») → китайский режиссер и сценарист фильма с одноименным названием → китайские переводчики, составители субтитров на русском языке → российские зрители, для которых предназначен фильм «Троецарствие» с субтитрами на русском языке.

3. Какие формы (жанры) той или иной разновидности межнационального дискурса подлежат описанию? Какова национальная специфика этих форм?

4. Какие характеристики наиболее существенны для анализа той или иной жанровой формы в рамках частной разновидности межнационального дискурса? Так, обиходно-бытовой межнациональный дискурс (в котором преобладают диалоговые жанры) в принципе нельзя исследовать без учета широких расхождений в национальных обычаях и традициях. Например, если кассир в россий-

ском супермаркете спросит у говорящего на русском языке китайца: «*Пакет нужен?*» — то китаец может не понять, о чем идет речь, так как в Китае при покупке продуктов не принято продавать еще и пакеты. В свою очередь, если россиянин, владеющий китайским языком, попросит в китайском магазине селедочки, то китайский продавец даже не поймет, о чем идет речь: в Китае не употребляют селедку, свеклу, творог (кроме соевого) и ряд других привычных нам продуктов питания.

5. Какие различия между участниками общения в той или иной разновидности межнационального дискурса представляются принципиальными для его описания? Какие факты деструкции межнационального дискурса наблюдаются?

В целом описание любой разновидности межнационального дискурса возможно только с учетом лингвокультурологических и национально-ментальных характеристик, которые для российской и китайской культур удачно, на наш взгляд, сформулированы в работе Лань Ся, а именно:

- «парадигмы духовности русской культуры, носительницы просвещения, рационализма и гуманизма, вовлечения человека в круг современных цивилизованных отношений, и парадигмы китайских традиционных конфуцианско-патерналистских ценностей, регламентирующих этику поведения, социально-производственную дисциплинированность...;

- межкультурное взаимодействие эндогенных конфуцианских дальневосточных культур с рациональными, аскетическими, практическими и активными ценностными установками по отношению к внешнему миру, ориентированными на практическое приспособление к миру, сильными традициями трудовой этики, и экзогенных установок русской культуры, выступающей духовной заступницей всех людей независимо от их национальных или религиозных особенностей, но при этом практическую деятельность она не рассматривает самостоятельной духовной ценностью, а считает ее лишь необходимым этапом жизни, подчиненным конечным, высоким духовным ценностям» [Лань Ся].

Ключевое слово в трактовке межнационального дискурса — «взаимодействие». В русском языке это слово означает взаимную связь двух явлений, что вполне соответствует конфуцианским представлениям о *жэнь* и *ли* и о благородстве: «*Благородные люди всегда живут в согласии с другими людьми*».

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. С. 136—137.
2. Васильева Т. В. Лингвометодический анализ учебников русского языка для студентов негуманитарных вузов, изданных за рубежом до распада СССР // Проблемы преподавания РКИ в вузах инженерного профиля. — М. : Янус-Ки, 2003. С. 111—123.
3. Владимирова Т. Е. Межкультурная коммуникация и проблемы развития экзистенциальной лингвистики // Русско-китайские межъязыковые связи и проблемы межкультурной коммуникации в современном мире. — Омск : ОмГПУ, 2009. С. 19—26.
4. Глотова Е. А., Клатовская К. Е. О некоторых национально-культурных особенностях концепта *счастье* (на примере русского и китайского языков) // Русско-китайские межъязыковые связи и проблемы межкультурной коммуникации в современном мире. — Омск : ОмГПУ, 2009. С. 236—239.
5. Гуз Ю. В. Межъязыковое сопоставление эталонов цветообозначений по данным толковых словарей русского, английского, немецкого и китайского языков // Русско-китайские межъязыковые связи и проблемы межкультурной коммуникации в современном мире. — Омск : ОмГПУ, 2009. С. 191—197.
6. Елфимова Т. В., Тан Сюецзин. Обращение как носитель национально-культурной семантики // Русско-китайские межъязыковые связи и проблемы межкультурной коммуникации в современном мире. — Омск : ОмГПУ, 2009. С. 202—206.
7. Ивинских Н. П. Динамика метафоризации в англоязычном и русскоязычном методическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2012.
8. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. — Волгоград : Перемена, 2000. С. 5—20.
9. Карасик В. И. Лингвокультурный концепт как элемент языкового сознания // Методология современной психолингвистики. — М. ; Барнаул : Изд-во Алтайск. ун-та, 2003. С. 50—57.
10. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М. : Гнозис, 2004.
11. Лань Ся. Социальная динамика межкультурных коммуникаций России и Китая : дис. ... канд. культурологии. URL: <http://www.dissercat.com/content/sotsialnaya-dinamika-mezhkulturnykh-kommunikatsii-rossii-i-kitaya>.
12. Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс. — М. : Флинта : Наука, 2006.
13. Ренякова Н. Н. Китайская картина мира в сказках о животных // Русско-китайские языковые связи и проблемы межкультурной коммуникации в современном мире. — Омск : ОмГПУ, 2009. С. 347—350.
14. Стародубцева Н. С. Понятие успеха и пути его достижения в китайском обществе // Русско-китайские языковые связи и проблемы межкультурной коммуникации в современном мире. — Омск : ОмГПУ, 2009. С. 270—275.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова